

Е. А. Бокарева [14]). При этом часто ссылались на известную идею «исходной моноконсонантности кавказского корня» (еще один популярный в свое время миф, окончательно развеянный авторами «Словаря»). Е. А. Бокарев предложил для ПВК предварительную реконструкцию из шести гласных и даже попытался сформулировать для них дополнительные распределения соответствий [14, с. 34—37], однако эта его реконструкция обладает минимальной предсказательной силой (выражаясь проще, предложенные Е. А. Бокаревым соответствия выполняются только для тех нескольких слов, которые он приводит в качестве иллюстраций). Впрочем, при сопоставлении отдельных языков, а не праязыков групп, другого результата трудно было бы ожидать: вряд ли оказалась бы успешной реконструкция праиндоевропейского вокализма непосредственно от современного хронологического уровня, скажем, таджикского, албанского и французского языков. Вместе с тем догадка Е. А. Бокарева о том, что наиболее важные позиционные распределения для гласных связаны с признаком лабиализации соседних согласных, полностью подтвердилась в работе С. Л. Николаева и С. А. Старостина.

Авторы обнаруживают, что слабое динамическое ударение в аварском языке устойчиво коррелирует с важнейшими фонологическими характеристиками ПСК уровня. Три аварские акцентные парадигмы вступают в регулярное соответствие с: 1) сериями А и В цезского вокализма, обуславливая выбор из всего множества регулярных соответствий гласных в цезских языках; 2) наличием инлаутного ларингала в основе и 3) количественной характеристикой конечного гласного в ПСК корне.

Достоинством словаря является то, что авторы не боятся приводить весь доступный им материал и не подвергают его «цензуре» по априорным соображениям. Дело в том, что в достаточно большом количестве сближений существует вероятность, с одной стороны, их случайного совпадения (например, в звукоподражаниях, одинаково звучащих в родственных и неродственных языках) и, с другой стороны, заимствования (существует, в частности, некоторое число так называемых «бродячих» корней, встречающихся в языках различных семей). Сторонники «чистой» компаративистики стараются избегать подобных сопоставлений. На наш взгляд, присутствие в словаре слов такого рода дает дополнительный импульс к выяснению их природы, поскольку предоставляет аргументы в пользу их исконного характера. Соответственно, желающий показать иное происхождение этих слов должен будет предложить новые аргументы, свидетельствующие об обратном, если таковые найдутся.

Было бы неверно утверждать, что, коль скоро мы обнаружили похожее слово в неродственном языке, оно является заимствованием и рассматривать его не следует. Во-первых, не исключена, хотя и малая, вероятность простого совпадения. Как правило, например, сходство обнаруживается в словах звукоподражательных или в так называемой «детской лексике». Ср. азерб. *tama* «грудь», «сосок» при арч. *tam* «женская грудь» и т. п., или груз. *deda* «мама» при лезг. *dide* с тем же значением. Обычно такого рода лексика не показательна для компаративистики. Действительно, устанавливая факт родства между двумя языками, мы не можем полагаться на свидетельства звукоподражательной и «детской» лексики. Тем не менее вряд ли кто-либо станет отрицать, что слова такого рода имелись в праязыке, поскольку в принципе праязык — это такой же язык, как и ныне существующие. Во-вторых, не исключена вероятность того, что источником заимствования являются дагестанские языки. В качестве очевидных примеров соотношений такого рода можно привести следующие азербайджанские слова: *total* «баранья шкура, приспособленная для хранения сыра» (ср. арч. *turtilla* и т. п.), *tağağ* «свернувшееся молоко» (ср. лезг. *tikağ* и т. п.), *mat* «густая масса, гуща, сгусток» (ср. лезг. *med* «ягодная патока» и др.).

Включенная в словарь лексика не имеет и ограничений культурно-исторического характера. В последнее время приобрело популярность мнение, что реконструкция слов, отражающих материальную и духовную культуру носителей реконструируемого праязыка, должна во всем согласовываться с представлениями